

Эвристика «Остановленного мгновения» духовного бытия в поэтическом тексте М.Л. Матусовского «Седьмая симфония в Москве»

Буров А.А.*, Бурова Г.П.**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пятигорский государственный университет», Пятигорск

**Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ставропольский государственный педагогический институт» (филиал в г. Ессентуки), Ессентуки

Актуальность выбранной темы определяется нравственно-эстетической потребностью нашего времени в обращении к «сильным» поэтическим текстам русской классики, которые свидетельствуют о выходе поэзии на уровень эстетико-эвристического измерения мира в художественном образе. Это не только акт образного познания, закреплённый в словесном знаке, но и непосредственное участие Слова в активном преобразовании нашей действительности, когда поэзия преодолевает границы словесно-стиховой формы и становится жизнеутверждающей силой, возвращающей нас к духовным историческим ценностям.

Цель статьи — постижение глубинных смыслов поэтического слова, запечатлевшего в небольшом пространстве текста лирического опуса эвристику духовной силы «остановленного мгновения» героического времени.

***Материал и методы.** Материалом для наблюдений послужил текст стихотворения М.Л. Матусовского, посвящённого московскому исполнению Ленинградской симфонии Д.Д. Шостаковича весной 1942 года. Эта лирическая миниатюра, созданная спустя два года после описываемого события, стала эпическим полотном, в котором словесный текст, наполняясь мощной энергией гениальной музыки, воплощает Духовную Силу народного гнева великой страны, поднявшейся на смертный бой с фашистскими захватчиками. Основным методом, с помощью которого проводилось комплексное филологическое исследование, является авторский метод номинационно-синтаксического анализа поэтического текста, позволяющий увидеть в тексте особый язык описания, свидетельствующий о трансформации экспрессия → эвристика.*

***Результаты и их обсуждение.** Проведённое исследование подтвердило предположение о том, что в «сильном» поэтическом тексте экспрессия лексики, взаимодействуя с динамикой синтаксиса, образует мощный энергетический импульс, в котором сливаются голоса оркестра, природной стихии и многомиллионного народа. Рассматриваемый в статье эвристический ресурс авторской художественно-эстетической экспрессии, который ярко проявляется в ритмике стихотворного текста как единого пульсирующего организма, формируется в процессе номинационно-синтаксического семиозиса единиц синтаксиса — от синтаксических форм слова до всего связного текста как эстетического знака. Исполнение Ленинградской симфонии в столице становится эвристическим прекрасным «мгновением», запечатлевшим нерушимое духовное единение всего народа, защитившего город Ленина, уверенно приближающего Победу. В статье утверждается, что сегодня, спустя десятилетия, с особой отчётливостью ощущается этот миг бытия нашей истории, которая требует помнить о своих уроках.*

***Заключение.** В «сильном» поэтическом тексте семиозис синтаксической номинации способствует перерастанию авторской символической экспрессии в эвристику духовной силы, наполняющей текстовое пространство, которое обозначает фрагмент реального исторического события, ставшего отправной точкой сюжетной канвы произведения М.Л. Матусовского. Поэтическое слово, «остановившее на мгновение» время и оживившее нашу историческую память, позволяет преодолеть страшное начало этого мига бытия в его жестокой, уродливо-зверской личине мирового зла — фашистской чумы и утвердить торжество Лика Созидательной Силы и Правды. В тексте стихотворения поэта торжествует эвристика высокого искусства, наполненная духовностью как основой русского культурного кода.*

***Ключевые слова:** поэтическая картина мира, «сильный» текст, эвристика «остановленного мгновения» военного времени, духовная сила Ленинградской симфонии, номинационно-синтаксический семиозис.*

(Ученые записки. — 2025. — Том 42. — С. 61–67)

Heuristics of the “Stopped Moment” of Spiritual Being in the Poetic Text of M.L. Matusovsky’s “Seventh Symphony in Moscow”

Burov A.A.*, Burova G.P.**

*Federal State Budgetary Education Establishment “Pyatigorsk State University”, Pyatigorsk

**State Budgetary Education Establishment of Higher Education “Stavropol State Pedagogical Institute (Essentuki Branch)”, Essentuki

The relevance of the chosen topic is determined by the moral and aesthetic need of our time to turn to the “strong” poetic texts of Russian classics, which testify to the emergence of poetry at the level of aesthetic and heuristic measurement of the world in an artistic image. This is not only an act of figurative cognition, fixed in a verbal sign, but also the direct participation of the Word in the active transformation of our reality, when poetry overcomes the boundaries of verbal and verse form and becomes a life-affirming force that returns us to spiritual historical values.

The purpose of the article is to comprehend the deep meanings of the poetic word, which captured in a small space of the text of a lyrical opus the heuristics of the spiritual power of a “stopped moment” of heroic time.

Material and methods. *The material for observations was the text of the poem by M.L. Matusovsky, dedicated to the Moscow performance of the Leningrad Symphony by D.D. Shostakovich in the spring of 1942. This lyrical miniature, created two years after the described event, became an epic canvas, in which the verbal text, filled with the powerful energy of brilliant music, embodies the Spiritual Power of the people’s anger of the great country that rose to mortal combat with the fascist invaders. The main method by which a comprehensive philological study was conducted is the author’s method of nomination-syntactic analysis of the poetic text, which makes it possible to see in the text a special language of description, indicating the transformation of expression → heuristics.*

Findings and their discussion. *The conducted study confirmed the assumption that in a “strong” poetic text, the expression of vocabulary, interacting with the dynamics of syntax, forms a powerful energy impulse in which the voices of the orchestra, the elements and the multi-million people merge. The heuristic resource of the author’s artistic and aesthetic expression, considered in the article, which is clearly manifested in the rhythm of the poetic text as a single pulsating organism, is formed in the process of nominative-syntactic semiosis of syntax units – from syntactic forms of a word to the entire coherent text as an aesthetic sign. The performance of the Leningrad Symphony in the Capital becomes a heuristic beautiful “moment” that captured the unbreakable spiritual unity of all the people who defended the city of Lenin, confidently approaching Victory. The article argues that today, decades later, this moment of the existence of our history is felt with particular clarity, which requires remembering its lessons.*

Conclusion. *In a “strong” poetic text, the semiosis of syntactic nomination contributes to the development of the author’s symbolic expression into the heuristics of spiritual power filling the textual space, which denotes a fragment of a real historical event that became the starting point of the plot of M.L. Matusovsky’s work. The poetic word, which “stopped time for a moment” and revived our historical memory, allows us to overcome the terrible beginning of this moment of existence in its cruel, ugly-beastly guise of world evil — the fascist plague and to affirm the triumph of the Face of Creative Power and Truth. In the text of the poet’s poem, the heuristics of high art, filled with spirituality as the basis of the Russian cultural code, triumphs.*

Key words: poetic picture of the world, “strong” text, heuristics of the “stopped moment” of wartime, spiritual power of the Leningrad Symphony, nominative-syntactic semiosis.

(Scientific notes. — 2025. — Vol. 42. — P. 61–67)

*Мгновенья раздают — кому позор,
кому бесславье, а кому бессмертие.
Мгновения спрессованы в года,
Мгновения спрессованы в столетия...
Р. Рождественский*

Русская поэтическая классика оставила нам в наследство тексты, многие из которых вслед за В.П. Григорьевым мы относим к «сильным», характеризующимся выходом поэзии на уровень эстетико-эвристического измерения мира в художественном знаке [1]. Это не только акт познания, закреплённый в художественном знаке, но и непосредственное участие Слова в преобразовании нашей действительности, когда «поэзия выходит из своей ранней, словесно-стиховой формы и, как двигатель

самых мощных трансформаций, вооружается энергией науки и техники, инструментами всех знаний и профессий, чтобы так же магически преображать мир, как это раньше удавалось только в стихах и песнопениях» [2]. Но крайне важно добавить: «сильный» поэтический текст несёт огромный заряд духовной энергии Правды — главного оружия в руках «святого воинства»: Совести, Благородства и Достоинства (Б.Ш. Окуджава).

Небольшое стихотворение «Седьмая симфония в Москве», написанное М. Матусовским в 1944 году, посвящено знаменательному событию в истории нашей Родины. 29 марта 1942 года в столице, недалеко от линии фронта, прозвучала, вскоре после премьеры в тыловом Куйбышеве, Ленинградская симфонии № 7 Д.Д. Шостаковича. «Знаменитая ленинградка»,

названная так в «Поэме без героя» А.А. Ахматовой, «возвращалась в родной эфир» осаждённого фашистами, но непокорённого города на Неве, по пути побывав в Новосибирске, Лондоне, Нью-Йорке. Весенняя Москва, на подступах к которой враг был остановлен и начался перелом в войне, пророческим звучанием симфонического оркестра «прорывала кольцо / Блокадных ночей Ленинграда». 9 августа 1942 года симфонию транслировали уже из зала филармонии осаждённой северной столицы по радио и громкоговорителям так, что её слышали не только ленинградцы, но и враги. Классическое искусство вступило в бой за правое дело. А.Н. Толстой писал: «...Седьмая симфония посвящена торжеству человеческого в человеке... <Она> возникла из совести русского народа, принявшего без колебания смертный бой с чёрными силами» [3].

Анализируя экзистенциальные понятия жизни и смерти в военной поэзии М.Л. Матусовского, В.В. Патерыкина актуализирует главную мысль поэта: «Война сразу делает всё поколение взрослым, убирая беспечность молодости, ставя перед выбором жизни и смерти. В противовес попранию культуры, гимном неистребимости жизни звучит музыка. “Седьмая симфония в Москве” — стихотворение, утверждающее вечность человеческого разума и бесчеловечность разрушения... Поэт верит в благоразумие человеческого разума, неистребимость культуры, а значит и жизни» [4]. Очень важно, что эта мысль, проходящая красной нитью и через музыку Шостаковича, и через поэтические воспоминания Матусовского о московском исполнении Ленинградской симфонии, подчёркивается не только теоретиками-исследователями, но и словесниками-практиками, формирующими духовный мир современных граждан России. Проникновенный голос Матусовского звучит в тексте литературно-музыкальной композиции, включённой в методическую разработку по патриотическому воспитанию «Во имя твоё, Ленинград» (автор — ленинградский учитель русского языка и литературы Л.Н. Зегря). Юные чтецы напоминают нам, что стихи поэта — о могучей силе классической музыки, заставляющей нас со всей остротой ощутить, «как в светлое и святое вторгается фашизм.... Мы ощущаем горе, боль народа, его силу и величие, мужество, необходимое стремление народа к Победе» [5]. Так органический сплав словесной и музыкальной энергии вызывает состояние катарсиса, когда рождается очищающая и объединяющая души правда той самой Обиды, которая на исходе XII века «встала... вь силахх Даждьбожа внука, вступила Девкою на землю Трояню, всплескала лебедиными крылы на синемь море у Дону, плещучи, упуди жирня времена...» [6].

Цель настоящего опуса — ещё раз с трепетом заглянуть в нашу историческую память и низко склонить голову перед подвигом русского советского народа, в годы Великой Отечественной войны

защитившего мир от коричневой чумы. Одна из памятных страниц об этом подвиге запечатлена в звуках Ленинградской симфонии Д.Д. Шостаковича и стихотворении М.Л. Матусовского «Седьмая симфония в Москве» — поэтическом слове, «остановившем» в небольшом пространстве текста лирического опуса время. Эта страница открывает эвристику «остановленного мгновения бытия», одновременно *страшного* своей правдой о зле, с его звериным оскалом дикого хаоса разрушения, бесчеловечной жестокости фашистской военщины, сметающей всё с лица земли со слепым, безжизненно-жутким автоматизмом, — *и прекрасного*, несущего Доброе Созидательное Начало, которое обладает Духовной Силой Правды, а потому непобедимо. Именно Сила Духа свободолюбивого и гордого русского народа, защитив нашу страну в годы Великой Отечественной войны, по сей день отстаивает наши исторические ценности, свободу и суверенитет.

Материал и методы. Непосредственный материал исследования — текст стихотворения М.Л. Матусовского «Седьмая симфония в Москве» [7] как комплексный художественный знак, в основе внутренней формы которого лежит представление о непобедимости Духа русского народа, отстаивающего свою свободу и независимость в смертельной схватке с фашизмом. Духовное начало определяет нравственную силу классической музыки, вступившей в смертельное сражение с врагом на защиту Родины.

В «сильном» поэтическом тексте обнаруживается способность формировать образные единицы, выходящие на уровень «эвристико-эстетического измерения» как открытия нового в поэтическом языке [8 и др.]. При этом формируется особый язык описания, свидетельствующий о трансформации *экспрессия* → *эвристика*. Экспрессия лексики, взаимодействуя с динамикой «сильного» синтаксического контекста, образует мощный энергетический импульс, в котором сливаются голоса оркестра, природной стихии и многомиллионного народа. Мы рассматриваем эвристический ресурс авторской художественно-эстетической экспрессии, который ярко проявляется в ритмике стихотворного текста как единого пульсирующего организма. В ткани его знакового пространства происходит процесс номинационно-синтаксического семиозиса, когда авторское обозначение осуществляется при естественном развёртывании синтаксических единиц текста. Эвристическое обозначение денотатов окружающего мира становится кульминацией экспрессивного импульса-посыла автора, «останавливающего мгновение бытия» и открывающего нам его значимость, ценность, величие. Поэтому, на наш взгляд, эстетические задачи эвристической номинации в поэтическом тексте получают вполне адекватное объяснение и характеристику благодаря применению положений теории синтаксической номинации и методики номинационно-синтаксического анализа образных единиц поэтического текста [9].

Кроме того, авторами статьи используются методические приемы комплексного филологического анализа «сильного» поэтического текста в историко-эстетическом контексте, а также положения структурно-семиотического, функционально-прагматического, эвристического методов анализа.

Мы считаем, что за счёт употребления производных номинационно-синтаксического семиозиса автору удаётся точнее и ярче запечатлеть и представить внутреннюю динамику «остановленного мгновения» разнообразных проявлений жизни в их естественной данности.

Результаты и их обсуждение. Непримирымый антагонизм Добра и зла, определяющий внутреннюю форму стихотворного текста «Седьмая симфония в Москве», невозможно представить себе вне музыки I части симфонического произведения — это тематический контраст двух образов: мирной жизни и несущего гибель вражеского вторжения. Сам композитор оставил метатекстовый комментарий — авторское пояснение в программе премьерного концерта 5 марта 1942 года в Куйбышеве. По словам Д.Д. Шостаковича, в основе первой темы лежит «образ радостного созидания. Это подчёркивает русский размашисто-широкий склад темы, наполненный спокойной уверенностью. Затем звучат мелодии, воплощающие образы природы. Они как бы растворяются, тают. Тёплая летняя ночь опустилась на землю. И люди, и природа — всё погрузилось в сон» [10]. Эпизод нашествия возникает из тишины, но эта тишина иная — она лишена покоя: «На фоне таинственно шуршащей, еле слышной дроби малого барабана возникает тема врага. Духовые инструменты звучат приглушённо, вкрадчиво. Как будто маршируют заводные куклы и кто-то подыгрывает на гнусавой, дребезжащей дудке. <...> Тема врага словно вырастает, надвигается на нас, она делается всё более исступлённой, неустойчивой. Чудовище сбрасывает шутовскую маску, и мы видим его звериный оскал» [10]. Музыка убеждает: какофония мракобесия и гармония человеческого созидания абсолютно, категорически несовместимы, столкновение неизбежно, и это тот самый бой — «святой и правый, ради жизни на земле».

В 1944 году Ленинградская симфония, сражаясь, уже звучала по всему миру как дань восхищения стойкостью Ленинграда, выстоявшего в блокаду. Матусовский пишет своё стихотворение в форме лирического воспоминания, обращаясь к своим современникам спустя два года после московского исполнения Ленинградской симфонии.

На первый взгляд, особенно из нашего «прекрасного далёка», спокойная, даже камерно-интимная экспозиция рассматриваемого текста может показаться следствием абсолютной уверенности в исходе войны и вынесения обвинительного приговора европейскому фашизму. Думается, задача Матусовского-художника и гражданина много глубже: открыть

эвристику «остановленного мгновения» ощущения и осознания духовной Красоты Добра — единственной альтернативы дикому хаосу разрушения. Музыка Шостаковича, гневно и исключительно правдиво обнажающая понятным любому жителю Земли языком бесчеловечную жестокость фашистской военщины, которая уничтожает всё живое со слепым, безжизненно-жутким автоматизмом бесчувственных механизмов, звучит как бы в отголосках воспоминаний, «за кадром», а на первом плане — стужа-непогода ранней московской весны с грустными деталями городского пейзажа первой военной «осадной зимы» («город, окованный тьмой, / С уныло ползущим трамваем»), со скупой снежной порошей, о чём поэт вспоминает, шутя по законам военного времени.

*Наверное, помните вы,
Как стужа тогда пронизала
Ночные кварталы Москвы,
Подъезды Колонного зала.*

*Была непогода скупа,
Снежком припушённая малость,
Как будто бы эта крупа
По карточкам нам выдавалась.*

**Но город, окованный тьмой,
С уныло ползущим трамваем,
Был этой осадной зимой
Прекрасен и незабываем** (выделено нами. — А.Б., Г.Б.)¹

Третья строфа стихотворения является эпицентром духовной силы всего текста. Принципиальной представляется сама структура противительной проpositивной синтаксической номинации, основанная на внутреннем контрасте, столкновении тёмного и светлого начал, которые сосуществует в пределах одного семантического контекста (*город, окованный тьмой; уныло ползущий трамвай VS. прекрасен и незабываем*).

Был этой осадной зимой / Прекрасен и незабываем — это о городе как о месте действия, о котором пишет поэт. Но где происходит оно — только ли в Москве? Автор с помощью родового обобщения «город» сближает, роднит и Москву, от стен которой враг уже был отброшен, и Ленинград, ещё находившийся во время московского концерта в блокаде, рассматривая их как единое целое, частицу Родины, чьё сердце уверенно билось. *Прекрасен и незабываем* — миг Духовной силы, Веры всего нашего народа, всего прогрессивного мира в Победу над фашистской нечистью. И разве сегодня, спустя десятилетия, не ощущаем мы этот миг, это *прекрасное мгновение*?! В тексте всего катрена, являющегося

¹Здесь и далее текст стихотворения М. Матусовского цитируется по изданию, указанному в списке использованной литературы [7].

предиктивной синтаксической пропозитивной номинацией, формируется основной «нерв» того «остановленного мгновения» бытия нашей истории, когда ощущаешь эвристику грядущей Победы! Это авторская эмотивная реакция, метаоценка, экспрессивный момент открытия остановленного и запечатлённого в тексте мощного *художественно-континуального промелька-посыла* как эстетического мига, «мгновения», выражающего сильнейшее внутреннее состояние просветления и очищения народной души, а значит — и духовного подъёма. Физические константы, привычные единицы измерения пространственно-временного континуума, обычно семиотически представленные привычными векторами синтактики, семантики и прагматики (Ч. Моррис, Ю.М. Лотман, Ю.С. Степанов и др.), трансформируются в «сильном» поэтическом тексте в особое измерение, *эвристико-эстетическое* [1]. Его мы предположительно и называем «остановленным мгновением бытия». Оно проецируется в пространстве поэтического текста, характеризуется художественной континуальностью и в собственно вербальной ткани требует, на наш взгляд, видеть и в самом связном поэтическом тексте как целом, и в образующих его пространство производных номинационно-синтаксического семиозиса, единицах словаря более высокой организации, особую экспрессивную «силу». Авторское обозначение фрагмента картины мира и его атрибутивных деталей формируется в процессе естественного развёртывания текстового пространства на основе синтаксических единиц текста. Пастернаковский эстетический принцип «неслыханной простоты» делает текст и его локальные контексты «сильными». Решение номинационно-эстетических задач эвристического обозначения денотатов окружающего мира происходит на более высоком, «глубинном», чем лексический, уровне номинации.

Характеризуя авторское воплощение принципа художественного контраста в лирике М.Л. Матусовского и обращая внимание на взаимодействие семантических и собственно экспрессивно-стилистических моментов, которые качественно дополняют друг друга, И.П. Зайцева очень тонко подмечает, что для этого выдающегося художника русского поэтического слова данный принцип «интересен, в первую очередь, именно как средство создания в лирической структуре определённого баланса, позволяющего, в свою очередь, гармонично объединить торжественность и отсутствие всякой пафосности; об очень важном, высоком, говорить самыми обычными словами, несколько не умаляя при этом значимости излагаемого» [11]. Тем самым, с одной стороны, подтверждается особенность поэтики русского лирического текста, гармония «неслыханной простоты» которого, названная так Б.Л. Пастернаком, но открытая задолго до него А.С. Пушкиным, синтезирует народность и поэтическую образность. С другой стороны, эстетический баланс глубины внутренней формы образа и естествен-

ности языковой формы выражения позволяет высокой поэзии, которая представлена «сильными» текстами и контекстами, характерными для художественно ценностной поэзии, решать не только общественно значимые задачи, но и расширять собственно изобразительный потенциал синтеза словоупотребления и синтаксической сочетаемости в тексте. К примеру, в тексте М. Матусовского это происходит при взаимодействии поэтических средств и приёмов в пределах одной эстетической позиции, когда, как справедливо отмечает И.П. Зайцева, «контрастность *семантическая* ... “поддерживается” контрастностью сугубо *стилистического* характера, что не только повышает экспрессию выражаемого смысла, но и существенно углубляет его подтекстовый слой. < > Именно такая “двойная” контрастность существенно усиливает, по нашему мнению, характерные качества лирической структуры: актуализирует контекстные, в том числе и ассоциативные, связи между элементами текста; способствует одновременному включению двух либо нескольких лексических значений; формирует подтекстовое содержание и, безусловно, повышает экспрессивность словесного пространства» [11] (ср. случаи синтеза эпитетации и метафоризации при формировании производных номинационно-синтаксического семиозиса в тексте: [12]).

Тем самым (и данный момент представляется весьма важным для рассматриваемого текста) в поэтическом идиостиле обнаруживается экспрессивная сила субъективного, индивидуально ощущаемого и имманентного личностного авторского начала, которое показательно для конструктивно-стилевого вектора «беллетристикум». Академик В.Г. Костомаров точно подметил, что художник слова способен постигать «в себе то ли сознанием, то ли ощущением строй образов, мыслей, чувств, звуков в такой связи, в какой они до того не связывались никем. Это позволяет ... *вскрыть правду о мире, показав его через самопознание в новом виде, посмотрев на него с новой, лично-индивидуальной, «авторской» точки зрения*» (выделено нами. — А.Б., Г.Б.) [13]. Именно так М. Матусовский утверждает духовную силу своего современника — защитника Отечества, который бы сегодня, спустя более 80 лет, гордо носил позывной участника Специальной военной операции: *Седьмая симфония*.

Продолжим размышления об эвристике «прекрасного и незабываемого» московского исполнения Ленинградской симфонии Д. Шостаковича в Москве ранней весной 1942 года, отзвуки которого согревали сердце поэта М. Матусовского несколько лет, прежде чем «мгновение» душевного подъёма оказалось запечатлённым в стихотворном тексте.

Всего лишь один катрен отводит поэт на то, чтобы напомнить нам, что мы на концерте в Москве, а у рояля сам Шостакович. Поэт представляет нам весь оркестр ярким и точным штрихом — трёхчленным метафорическим рядом глагольных атрибутов-эпитетов:

проснулись, зажглись, просияли «очеловеченные» голоса скрипок. Метонимия *смычок за смычком* усиливает активные действия ведущих партий симфонии, вступающей в сражение с врагом. В тексте Матусовского обо всём этом сказано скромно и мягко, очень просто, ненавязчиво, но твёрдо, даже торжественно. Мы вместе с музыкой оказываемся один на один с «мгновением» страшной смертельной схватки с безжалостным врагом:

Когда композитор бочком
Пробрался к подножью рояля,
В оркестре смычок за смычком
Проснулись, зажглись, просияли.

А потом... Оркестровая яма сразу же превращается в грандиозный театр величайшей в истории человечества войны. Вихрь жестокого, беспощадного сражения вместе с музыкой и «порывами метели», опрокидывая поюптры и срывая с них нотные листы, врывается на сцену, и начинается величественное, феерическое действие... (ассоциация с А.Т. Твардовским: *Бой идёт святой и правый. / Смертный бой не ради славы, / Ради жизни на земле*):

Как будто из мрака ночей
Дошли к нам порывы метели.
И сразу у всех скрипачей
С подставок листы полетели.

И эта ненастная мгла,
В траншеях свиставшая хмуро,
Никем до него не была
Расписана как партитура.

Безумным, жестоким, бессмысленным вихрем, неумолимо и безжалостно-тупо пытаясь разрушить Красоту, в её Чертог сквозь *порывы метели* вторгается мрак, окрашивающий всё в тёмные тона. Из тьмы возникает ассоциативный символ беды — ненастья, которое олицетворено, создавая гнетущее впечатление: *эта ненастная мгла, / В траншеях свиставшая хмуро*. Выражающая его синтаксическая номинация передаёт динамику пограничного состояния между жизнью и смертью, в которое погружает нас музыка симфонии, где явственно слышны отголоски бушующей над всем миром военной бури:

Над миром катилась гроза.
Ещё никогда на концерте
Так близко не чувствовал зал
Присутствия жизни и смерти.

Сравниваясь с бушующим пламенем, мгновенно охватившим *дом, от полов до стропил* (дом как мирное начало жизни), возникает *одна музыкальная фраза* — это тема вражеского нашествия, прозвучавшая в начале музыкального произведения.

Трансформировавшись, она перерастает в тему смертельной схватки с врагом:

Как дом, от полов до стропил
Охваченный пламенем сразу,
Оркестр, обезумев, вопил
Одну музыкальную фразу.

Здесь уже нет тех чужих и странных, пугающих «кукольно-механических» оттенков, появляющихся в первой части симфонии. Вся симфоническая мощь оркестра — струнная, духовая ударная — соединяется в едином сильнейшем порыве всего народа, всей страны, всего мира: это страстное стремление отстоять город на Неве. Номинационно-синтаксическая пропозиция *Она прорывала кольцо / Блокадных ночей Ленинграда* употреблена пока ещё с имперфектным предикатом, но — глагольным, насыщенным семантикой экспрессии активного действия. Это уж не просто сопротивление как преодоление непреодолимого, это непобедимая сила. Это эвристика «остановленного мгновения» нравственной истины: «Наше дело правое, мы победим!»:

Ей пламя дышало в лицо,
Глушила её канонада.
Она прорывала кольцо
Блокадных ночей Ленинграда.

Гудела в глухой синеве,
Весь день пребывала в дороге
И ночью кончалась в Москве
Сиреной воздушной тревоги.

Это финальное звучание *сиреной воздушной тревоги* над страшным театром войны, которая ещё не закончилась, мы слышим вместе с поэтом *в глухой синеве*, ощущая чистоту и красоту Духовной Силы *прекрасного времени* подъёма народного единения в Священном Гневе Возмездия. Но поэт пророчески предупреждает нас, призывая не забывать, что *сирены воздушной тревоги* ещё не смолкли.

Заключение. Рассмотренное произведение М.Л. Матусовского подтверждает мысль о том, что семиозис синтаксической номинации в поэтическом тексте способствует перерастанию авторской символической экспрессии в эвристику духовной силы, наполняющей текстовое пространство, которое обозначает фрагмент реального исторического события, ставшего отправной точкой сюжетной канвы. Поэтическое слово, «остановившее на мгновение» время и оживившее нашу историческую память, позволяет преодолеть страшное начало этого мига бытия с его жестокой, поистине зверской личиной мирового зла — фашистской чумы и утвердить торжество Созидания Духовной Силы Правды. Духовность как основа русского культурного кода открывает в тексте стихотворения поэта эвристику высокого искусства.

Гениальная музыка Ленинградской симфонии, вырвавшись за пределы московского Колонного зала, становится органической частью той великой грозы над всем миром, которая, сражаясь, управляет мировой стихией и вместе с поэтическим словом утверждает непобедимость человеческого Духа.

Литература

1. Григорьев, В.П. Предисловие / В.П. Григорьев // К четырёхмерному пространству языка (Блок и Хлебников: эвристика в парадигмальных экспрессемах) / Григорьев, В.П. — URL: <https://www.philol.msu.ru/~humlang/slovar.si.expressema/04.htm> (дата обращения: 21.08.2025).
2. Эпштейн, М. Поэтический вектор цивилизации / М. Эпштейн // Первые Григорьевские чтения: Языковое творчество vs. креативность: эстетический, эвристический и прагматический аспекты: материалы междунар. науч. конф., 12–14 марта 2015 г. — М.: ИРЯ им. В.В. Виноградова, 2016. — С. 96.
3. Седьмая симфония Шостаковича. — URL: https://vokrugknig.blogspot.com/2022/08/blog-post_09.html (дата обращения: 11.08.2025).
4. Патеркина, В.В. Экзистенциальные понятия жизни и смерти в военной поэзии М.Л. Матусовского / В.В. Патеркина // Материалы IX Открытых респ. чтений памяти М. Матусовского, Луганск, 19 мая 2016 г. — Луганск: Изд-во ЛГАКИ имени М. Матусовского, 2016. — С. 21.
5. Зегря, Л.Н. «Во имя твоё, Ленинград». Методическая разработка по патриотическому воспитанию «Растим патриотов России» / Л.Н. Зегря. — СПб., 2016. — URL: <https://portalpedagoga.ru/servisy/publik/publ?id=1967> (дата обращения: 11.08.2025).
6. Слово о полку Игореве. — URL: <https://stihi.ru/2010/10/15/2231> (дата обращения: 27.08.2025).
7. Матусовский, М.Л. Это было недавно, это было давно... Стихи / М.Л. Матусовский / предисл. П. Антокольского. — М.: Худ. лит., 1970. — С. 40–45.
8. Чумак-Жунь, И.И. К вопросу об эвристическом ракурсе поэтического дискурса Б.Л. Пастернака / И.И. Чумак-Жунь // Русский язык в поликультурном мире: VI Междунар. симпозиум, 8–12 июня 2022 г.: в 2 т. / редкол.: И.П. Зайцева, Е.М. Маркова, Т.С. Чабаненко, Е.М. Шахова [и др.]: сб. науч. ст. — Симферополь: Изд. дом КФУ, 2022. — Т. II. — С. 210–215.
9. Буров, А.А. Субстантивная синтаксическая номинация в русском языке / А.А. Буров / под ред. К.Э. Штайн. — Ставрополь–Пятигорск: Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2012. — 400 с.
10. Седьмая симфония Шостаковича. — URL: https://vokrugknig.blogspot.com/2022/08/blog-post_09.html (дата обращения: 11.08.2025).
11. Зайцева, И.П. О виртуозном воплощении принципа стилистического контраста в лирике Михаила Матусовского / И.П. Зайцева // COLLEGIUM. — 2016. — № 2. — URL: <https://reading-hall.ru/publication.php?id=18869> (дата обращения: 11.08.2025).
12. Буров, А.А. Эпитет в поэтическом тексте А.С. Пушкина: семиозис синтаксической номинации / А.А. Буров, Г.П. Бурова // Вестник Пятигорского государственного университета. — 2024. — № 1. — С. 46–54.
13. Костомаров, В.Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики / В.Г. Костомаров. — М.: Гардарики, 2005. — С. 107–108.

Поступила в редакцию 07.10.2025